

Людмила Сараскина

КГБ против Солженицына. Операция «Паук»

28 декабря 1973 года в Париже вышел первый том «Архипелага ГУЛАГ» на русском языке. К этому моменту политическая репутация А.И. Солженицына в глазах советского руководства была окончательно испорчена. Отделы ЦК КПСС употребляли в отчетах такие выражения, как «пасквильянт» и «клеветник», «гнусный отщепенец» и «ублюдок», «фальсификатор» и «непримиримый враг», цитировали письма трудящихся, где были гневные восклицания: «Не пора ли забить осиновый кол над его фамилией?.. Почему мы терпим у себя в стране этого вражеского выродка?.. Вредную траву — с поля долой»¹.

В секретных докладах КГБ Солженицын именовался «бывшим литератором»², который пытается убедить человечество в противоправности социализма и неприемлемости советского строя. Органы утверждали, что безнаказанность Солженицын вызывает негодование у абсолютного большинства советских людей. А у интеллигенции и молодежи его поведение рождает крамольные мысли: надо, дескать, действовать смело, гласно, обязательно привлекать внимание западных корреспондентов, и тогда никто не посмеет тронуть. Пришло время, полагала госбезопасность, подумать о радикальных мерах, ибо надеяться, что Солженицын сам откажется от своей подрывной деятельности, не приходится.

«По нашим законам, — считал генсек Л.И. Брежнев, — мы имеем все основания посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посягнул на самое святое — на Ленина, на наш советский строй, на советскую власть, на всё, что дорого нам»³. Шеф КГБ Андропов настаивал на принудительной административной высылке и указывал на прецедент с Л.Д. Троцким в 1929 году, напоминая, что дальнейшее пребывание Солженицына в СССР становится опасным, ибо он пытается создать внутри страны организацию из бывших заключенных. В стране якобы проживают десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов, среди которых автор «Архипелага» будет находить поддержку. Андропов вполне допускал, что в СССР существует вражеское подполье, которое проглядел КГБ. Медлить нельзя, драматически переживал шеф КГБ: статьи, публичные выступления остаются пустым звуком. Поэтому считал высылку автора крамолы в соцстраны крайне нежелательной (не надо, мол, дарить друзьям такие подарки!), предлагая, наряду со Швейцарией, например, Ирак.

Показательно, что Андропов, решая судьбу Солженицына, вспомнил не высылку философского парохода в 1922-м, и не высылку, по ходатайству А.М. Горького, Е. Замятина в 1931-м, а высылку Троцкого в 1929-м. Сам Троцкий,

1 Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 325–326.

2 Там же. С. 332.

3 Там же. С. 352.

такой холод никто из зарубежных корреспондентов не сунется; за всю историю столетней верхоянской ссылки оттуда не случилось ни одного побега). Всех без исключения членов Политбюро возмущало, что Солженицын хозяйничает в умах советских людей, что власть боится его трогать, а народ не понимает либерального мягкосердечия и необъяснимой гуманности к врагу государства; народ ждет решительных действий. «Ястребы» из Политбюро жаждали показать всему миру свою силу, считая высылку слабостью: ведь он не остановится ни перед чем и будет непременно вредить стране из-за границы. Брежнев уже было склонился к сценарию с арестом: «Мы в свое время не побоялись выступить против контрреволюции в Чехословакии. Мы не побоялись отпустить из страны Аллилуеву. Все это мы пережили. Я, думаю, переживем и это»⁷.

По прямому указанию секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова, «серого кардинала советского строя», «Победоносцева Советского Союза», началась подготовка общества к жестким мерам в отношении Солженицына. Газеты публиковали письма рабочих, колхозников, ветеранов войны и труда, которые требовали расправы над писателем и настаивали, чтобы советское правительство подало протест в ООН против издательства, выпустившего «Архипелаг ГУЛАГ».

КГБ усиленно трудился над созданием вокруг Солженицына атмосферы гнева и возмущения; заказывал и собирал отклики, где писателя клеймили позором. Отделы культуры, науки и пропаганды ЦК посылали наверх перечни высказываний, образцы оценок Солженицына как изменника Родины, предателя советского народа, клеветника на советскую власть и платного агента врагов социализма. Известнейшие люди страны — скульпторы, композиторы, режиссеры, артисты — через газеты, радио и телевидение участвовали в коллективном улюлюканье. Печатные издания соревновались в ругани, изощрялись в поношении, сочиняя отпор «иуде и власовцу наших дней». Выдающиеся деятели культуры, науки и литературы добавляли к этим оценкам свои эпитеты⁸. «До каких пор и на каком основании территория страны, на которую он так злобно клеветает, будет давать ему приют?» — этот риторический вопрос повторялся во многих десятках высказываний образованного сословия, которое откликнулось на призыв партийной пропаганды. «Доколе мы, советские люди, должны терпеть на советской земле этого негодяя? Как долго он будет жрать русский хлеб и русское сало и сочинять гнусную клевету на нас всех? Неужели у нас нет законов, чтобы выгнать этого новоявленного миллионера туда, кому он служит?» — вопрошала общественность попроще.

В ответ на кампанию в прессе, длившуюся целый месяц, Солженицын ответил: «Линия, избранная органами нашей пропаганды, есть линия звериного страха перед разоблачениями. Она показывает, как цепко держатся у нас за

⁷ Там же. С. 361.

⁸ Высказывания общественности цитируются по изданию: Кремлевский самосуд. С. 374–380.

кровавое прошлое и хотят нераскрытым мешком тащить его с собою в будущее — лишь бы не произнести ни слова — не то что приговора, — но морального осуждения ни одному из палачей, следователей и доносчиков. <...> Я уверен, что скоро наступит время, когда эту книгу в нашей стране будут все читать широко и даже свободно. И найдутся памятливые и любознательные, кто потянется проверить: а что писала советская пресса при появлении этой книги? и кто подписывал?»⁹

Поставив себя в положение памятливых и любознательных, мы увидим многое. Увидим, что Политбюро разрывалось в сомнениях — что лучше: спровадить писателя за рубеж (в надежде, что очень скоро западные СМИ потеряют к нему всякий интерес) или провести через уголовный судебный процесс, дать соответствующий тюремный срок и отправить на восток СССР, поближе к полюсу холода. Оба решения имели свои изъяны: во-первых, Солженицын может вредить своей стране и из-за рубежа, во-вторых, высылка его в гиблые места может сильно осложнить переговоры, связанные с процессом разрядки международной напряженности.

Андропову, стороннику высылки, пришлось писать личное секретное письмо Брежневу — только генсек мог дать добро на «внешний» вариант. Председатель КГБ убеждал: вопрос вышел за рамки уголовного и превратился в проблему, имеющую политический характер. КГБ взвесил все возможные издержки, который могут возникнуть в связи с выдворением (в меньшей степени) и арестом (в большей степени). В конце концов логика Андропова взяла верх. Ведомство Андропова, которое больше других было заинтересовано в варианте депортации Солженицына за границу, брало на себя и большую ответственность за поведение изгнанника за границей.

Операция выдворения Солженицына, осуществленная через арест писателя, пребывание его в тюремном изоляторе КГБ Лефортово, объявление ему Указа о депортации и сама депортация из аэропорта Шереметьево во Франкфурт-на-Майне, стала развязкой — лучшей из возможных для обеих сторон¹⁰.

1

Подводя итог операции «выдворения», госбезопасность сообщала в ЦК КПСС о крупной победе. Суть ее сводилась к следующему. Тем силам на Западе, которые использовали дело Солженицына в своей подрывной деятельности, нанесен непоправимый удар. Правительства западных стран вынуждены признать юридическую правомерность акции, тем более, что эта акция не нанесет ущерб развитию двусторонних и многосторонних отношений. Визиты иностранных делегаций в СССР не отменяются. Власти ФРГ с удовлетворением восприняли быстрый отъезд Солженицына в Швейцарию, после его краткого пребывания в гостях у немецкого писателя Генриха Бёлля.

⁹ Солженицын А. Заявление для прессы. 18 января 1974 // Солженицын А. Публицистика: В 3 т. Ярославль, 1995–1997. Т. 2. 1996. С. 61.

¹⁰ Подробнее об операции выдворения А.И. Солженицына см.: Сараскина Л. Солженицын. М., 2009. С. 661–695.

Волнения левых партий западных стран, вызванные сообщениями об аресте Солженицына, быстро сменились разочарованием.

К исходу февраля 1974 года ведомство Андропова констатировало, что антисоветская шумиха пошла на спад. «Сообщения о Солженицыне как о новом миллионере, сделавшем “хороший бизнес” на антисоветизме, в значительной степени разрушили о нем миф как об “идейном борце за свободу инакомыслящих в СССР”. <...> После более детального ознакомления с его широко разрекламированными “творениями” целый ряд специалистов уже высказали сомнения в их действительной художественной ценности. <...> Солженицын завоевал себе популярность не как талантливый писатель, а всего лишь как “изобличитель”, который постепенно превратился в явного слугу жаждущих сенсаций поборников “холодной войны”. В этой связи все чаще выражается мнение, что Солженицыну на положении эмигранта будет весьма трудно сохранить за собой “славу великого писателя”, каким его провозгласили на Западе»¹¹.

Аналитическая служба госбезопасности на первых порах подтверждала решение Андропова. Ведомство жадно искало внешних подтверждений своей позиции. Отчеты КГБ были наводнены цитатами из статей западных советологов, которые внезапно оказались союзниками в деле компрометации Солженицына. Так, Андропов сообщал в ЦК о позиции американского советолога Збигнева Бжезинского: «С наибольшей эффективностью играть на Солженицыне можно будет только полгода, максимум — год, поскольку ни как писатель, ни как историк, ни как личность интереса для западной публики он не представляет»¹².

Надо сказать, что мнение о Солженицыне-изгнаннике как о сбитом летчике или падающей звезде было в тот момент весьма распространенным. Показательна в этом смысле дневниковая запись А.С. Черняева (в то время заместителя заведующего отделом Международного отдела ЦК КПСС): «В среду выдворили в ФРГ Солженицына. Операция была проведена ловко, корректно и элегантно. Подробности (согласие Брандта) мне пока неизвестны. И уже сейчас — прошло два дня — серьезные западные газеты признают неизбежность его скорого затухания. Еще одна “вспышка” крика и потом он быстро начнет им надоедать»¹³.

Но почему все-таки ни западные газеты, ни З. Бжезинский, ни коллективный разум партийных структур, твердивших о неминуемом «затухании» писателя в изгнании, так до конца и не убедили советские спецслужбы, что надо оставить автора «Архипелага» в покое, вычеркнуть из планов ведомства? Почему не возобладали такая, к примеру, тактика: мы перестаем *им* заниматься и *его* разрабатывать, мы *его* отпускаем на произвол судьбы?

11 Кремлевский самосуд. С. 491.

12 Там же.

13 Черняев А. Советская политика 1972–1991 гг. — взгляд изнутри. 1974 год. Проект. С. 7 // http://www.gwu.edu/~nsarchiv/rus/text_files/Chernyaev/1974.pdf

Ответ очевиден: пойти по этому пути КГБ не мог. Солженицына выпустили из страны фактически под ответственность Андропова и по его настоянию: шефу КГБ удалось убедить товарищей по Политбюро, что это меньшее из зол. Но был ли он сам уверен, что это зло действительно меньшее? В случае, если Солженицын разовьет на Западе активность и будет влиять на общественное мнение, это осложнит процесс разрядки, и вина за срыв процесса ляжет именно на Андропова — ему придется оправдываться и перед Брежневым, и перед «ястребами». Андропов не мог пустить дело на самотек — дескать, все затухнет и погаснет само собой. У его ведомства при любом повороте событий должны быть оперативные материалы, касающиеся дела Солженицына на его новом витке. К тому же не закрытое это дело давало широкий простор для деятельности КГБ, его планов, отчетов, занятости кадров.

Не прошло и десяти дней с момента высылки, а госбезопасность уже обозначила свою принципиальную стратегию: «Учитывая, что противники разрядки международной напряженности попытаются, особенно в ближайшем будущем, продолжать активное использование Солженицына во враждебных Советскому Союзу целях, Комитет госбезопасности принимает меры по предотвращению и ослаблению эффекта их возможных акций в этом плане»¹⁴. Секретная информация КГБ СССР от 23 февраля 1974 года, разосланная членам Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС, сигнализировала, что КГБ не будет сидеть сложа руки.

2

С первых дней пребывания Солженицына на Западе госбезопасность окружила и самого писателя, и членов его семьи круглосуточным вниманием. За ними наблюдали, отслеживали их контакты, прослушивали телефонные разговоры. Оперативный материал, накопленный за первые два месяца, дал основание считать, что нобелевский лауреат «остается на враждебных позициях и вынашивает планы проведения подрывной деятельности против СССР»¹⁵. За писателем и его семьей наблюдали не только издалека, но и с весьма близкого, опасного расстояния.

Сделаю необходимое отступление.

В книге профессора Кембриджского университета Кристофера Эндрю «Щит и меч: Архив Митрохина и тайная история КГБ» (Лондон, 1999) подробно рассказано, как бывший сотрудник архива Первого главного управления КГБ майор Василий Никитич Митрохин (1922–2004) бежал в 1992 году с женой из Москвы в Ригу и там обратился в британское посольство к резиденту МИ-6. Оттуда перебежчика отправили в Лондон. Дело было в том, что, начиная с 1972 года в течение двенадцати лет, вплоть до своей отставки в 1984 году, Митрохин делал от руки выписки из архива КГБ, уносил их с собой спрятанными в обуви, перепечатывал на машинке и затем закапывал страницы машинописи в саду своей дачи в бидонах из-под молока. В Лондон он доставил

¹⁴ Кремлевский самосуд. С. 491–492.

¹⁵ Там же. С. 499.

лишь незначительную часть собранного, так что работавшему в Москве агенту МИ-6 пришлось тайно пробираться на подмосковную дачу отставника, выкапывать архив и переправлять в посольство Великобритании. Это был грандиозный улов не только для британской, но и для многих западных разведок. После чистовой перепечатки, осуществленной уже на Западе, архив Митрохина насчитывал 25 тысяч страниц: подробности зарубежных операций КГБ, оперативные разработки по дезинформации Запада, дискредитации западных политиков и живших за рубежом советских диссидентов, имена и донесения зарубежных агентов. Информация не распространялась на период после 1985 года. В первом томе книги К. Эндрю имелось посвящение, собственноручно написанное Митрохиным на русском языке: «Посвящается всем, кто хотел сказать правду, но не сумел»¹⁶.

Согласно этим документам, госбезопасность стремилась забросить в сеть «Пауку» (оперативная кличка, присвоенная в КГБ Солженицыну) приманку, на которую тот должен был клюнуть. Главные участники акции — супруги Голуб, агент StB Томас Ржезач (кличка «Репо»). Операция имела шифр «Паук № 5/9-16091». Сценарий: в марте 1974 года фрау Голуб знакомит «Репо» с Солженицыным на выставке картин художницы Луции Радовой при содействии владельца галереи художника Оскара Краузе. В ходе знакомства Фрау Голуб рекомендует Т. Ржезача в качестве переводчика, мечтающего опубликовать на чешском языке поэму Солженицына «Прусские ночи». Линию поведения «Репо» отработывают руководители чешской разведки по инструкциям КГБ.

План операции был утвержден Андроповым 19 сентября 1974 года, то есть спустя полгода после высылки Солженицына.

«Разработка ведется в следующем направлении:

—создание вокруг “Паука” за рубежом обстановки, сковывающей его активность в проведении враждебных акций, вызывающей чувство неуверенности и страха перед возможными мерами с нашей стороны, боязнь за безопасность семьи;

—компрометация “Паука” перед мировой и советской общественностью с использованием имеющихся материалов;

—выявление и перехват каналов связи “Паука” с единомышленниками в СССР, используя их в оперативных целях;

—отсечение от “Паука” лиц, оказывающих ему активную поддержку и помощь в период пребывания в СССР, с целью лишения его возможных источников информации;

—выявление и пресечение попыток лиц к установлению контактов с “Пауком” и передачи ему информации;

—выявление и глубокое изучение процессов, возникающих за рубежом и в СССР в связи с антисоветской деятельностью “Паука”, своевременное принятие мер по их нейтрализации;

16 См.: *Vasili Mitrokhin and Christopher Andrew. The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB.* London, 1999. P. 2.

—решение указанных задач осуществить с помощью агентуры, имеющей подходы к “Пауку”, путем создания новых агентурных позиций, использования оперативных игр, оперативно-технических и других средств, возможностей ПГУ (Первое Главное Управление КГБ СССР, отвечающее за внешнюю разведку. — *Л.С.*), ВГУ (Второе Главное Управление КГБ СССР, отвечающее за внутреннюю безопасность и контрразведку. — *Л.С.*) и Пятого Управления КГБ (в его компетенцию входили: борьба с антисоветскими элементами и диссидентским движением, вербовка агентуры и создание осведомительных сетей в среде творческой интеллигенции, розыск и изъятие самиздатовской литературы, предотвращение бегства граждан СССР за рубеж и преследование невозвращенцев. — *Л.С.*);

—ориентировать резидентуры ПГУ в Берне, Женеве об особенностях и направлениях разработки “Паука”»¹⁷.

Одобренные Политбюро ЦК превентивные меры имели своей целью дискредитировать писателя на Западе и в глазах соотечественников; выявить и перекрыть каналы сообщения с друзьями в СССР; идентифицировать всех, кто с ним связан, и заблокировать идущую от этих лиц информацию; распространять ложные сведения о сотрудничестве людей из окружения Солженицына со спецслужбами. Из разных мест по цюрихскому адресу писателя направлялись письма протеста, подозрительные на вид посылки, анонимные угрозы; в журналистскую среду вбрасывались слухи — мол, могут украсть детей, поджечь дом. Ставилась задача вселить в изгнанника чувство страха и нервозности, чтобы «отвратить Солженицына от его деятельности».

Зададим риторический вопрос: почему мощнейшая спецслужба огромной страны пыталась так грубо влиять на инакомыслие человека, который не любит советскую власть и понимает историю страны вразрез с официальной линией? В конце концов власти могли ведь и сами — в том самом 1973 году, или раньше, в 1965-м, как только узнали, что «Архипелаг ГУЛАГ» пишется, — во всеуслышание рассказать правду: что такое ГУЛАГ, когда образован, где находился, сколько прошло через него людей, сколько выжило и сколько погибло, кто доносил и кто сажал. Не нужен был бы тогда «опыт художественного исследования» Солженицына (надо полагать, писатель совсем не огорчился бы, узнав, что государство перехватило его тему); легко вздохнуло бы диссидентское движение: чистые намерения власти, ее нравственный посыл доказали бы всему миру, что такое справедливость при социализме.

Однако вместо этого — операция «Паук».

«В целях конкретизации оперативных мероприятий по “Пауку” направить в Швейцарию в долгосрочную командировку сотрудника 5-го управления КГБ, хорошо знающего материалы дела по “Пауку”;

—в целях сковывания активности “Паука” через возможности резидентур

17 Цит. по: Интернет-травля Солженицына в 2000-е годы // <http://corporatelite.livejournal.com/1567.html>; <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture3.png>. Здесь и далее ссылки на документы из «Архива Митрохина» даются на указанный Интернет-ресурс.

вызвать в правительственных кругах Швейцарии вопрос о нежелательности пребывания “Паука” на территории страны в связи с проведением деятельности, наносящей ущерб межгосударственным отношениям;

— для создания обстановки недоверия и подозрительности “Паука” к своему окружению изыскать возможность по доведению до него сведений о “сотрудничестве” отдельных из них с НТС, спецслужбами противника и КГБ (делать это постоянно);

— в целях отвлечения “Паука” от активной деятельности и создания нервозности в его семье организовать через возможности резидентур засылку из третьих стран в его адрес писем с протестами и угрозами, почтовых отправок, имитирующих подозрительные вложения. Проводить это постоянно;

— совместно с Аппаратом Уполномоченного КГБ в ГДР разработать и осуществить мероприятие по подставе “Пауку” доверенного МГБ ГДР “Колониста” и использовать его по подготовке и публикации в нужный момент в западной прессе выгодных в оперативном плане материалов»¹⁸.

По версии Митрохина, к середине 1975 года Солженицын понял (ему намекнули из Чехословакии, а потом и швейцарская полиция), что вокруг него сплетена густая агентурная сеть, и принял свои меры. Согласно той же версии, «пристальное внимание», каким писатель был окружен в Швейцарии, могло подтолкнуть его к отъезду в США.

Меж тем Андропов и К° в 1975 году составили долгоиграющий план с участием большого числа действующих лиц, который включал сбор и публикацию заказных материалов. В орбиту оперативной работы втягивались писатели и журналисты стран Европы: «Для дальнейшей компрометации “Паука” перед мировой общественностью подготовить на основе имеющихся материалов и опубликовать на Западе: книги швейцарского писателя “А”, западно-германского журналиста “Х” и известного писателя ГДР “Т”»¹⁹.

Руки спецслужб смогли дотянуться и до людей, когда-то знакомых Солженицыну: «Опубликовать в буржуазной прессе открытое письмо школьного друга “Паука” Кагана, в котором последний говорит об эгоцентризме “Паука” и его антисемитизме. Через западных корреспондентов, аккредитованных в Москве, распространить статью университетского друга “Паука”, доктора медицинских наук Симоняна, где описывается “психологический портрет” “Паука” и дается научное обоснование его ненависти к советской власти. Изыскать возможность для опубликования на Западе писем “Паука” к Ивановой и Радугиной, раскрывающих его интимные отношения с ними»²⁰.

Большие надежды КГБ возлагал на агента «Репо» (Т. Ржезача). «В разработке “Паука” активное участие принимает агент МВД ЧССР “Репо”. В

18 Цит. по: <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture7.png>

19 Там же.

20 Цит. по: <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture8.png>

связи с тем, что срок пребывания агента в Швейцарии ограничен 2–3 месяцами в силу ряда обстоятельств, в том числе связанных с его безопасностью, принять меры:

- максимального закрепления сложившихся между ними отношений;
- сбору различных данных о “Пауке”, которые в будущем могут быть использованы в разработке “Паука” и его компрометации;
- после того как “Репо” будет выведен в ЧССР, использовать его для подготовки серии статей и книги, дискредитирующих “Паука”;
- с целью сбора дополнительных материалов о “Пауке” организовать его поездку в СССР. Подготовленная книга будет издана одновременно в ЧССР и Советском Союзе для распространения на Западе»²¹.

Ведомство Андропова плело в Цюрихе вокруг Солженицына столь густую и липкую сеть, что все или почти все люди, окружавшие его и его семью, так или иначе должны были попасться на агентурный крючок — путем компрометации, запугивания, шантажа, стравливания. «Архив Митрохина» дает яркие образцы оперативной методики: «Одной из близких связей “Паука” в Швейцарии являются чехословацкие эмигранты супруги Prenosi, используемые им в качестве секретарей. “Голубица”, жена Преносилова (Prenosilova), в прошлом являлась агентом органов государственной безопасности ЧССР. Для решения вопроса о возможном использовании ее в разработке “Паука” командировать в Швейцарию сотрудника органов безопасности Свобода (Svoboda), поддерживавшего ранее связь с “Голубицей”, с целью восстановления с ней контакта. 5-му Управлению КГБ СССР и 10-му Управлению МВД ЧССР подготовить задание “Голубице” по “Пауку” с учетом ее возможного сотрудничества со спецслужбами противника. В случае отказа “Голубицы” от сотрудничества подготовить мероприятия по компрометации ее перед “Пауком”»²².

Оперативники, работавшие в Цюрихе, изучали все возможные подходы к Солженицыну — среди его докторов, секретарей, случайных знакомых и их родственников. «Личными врачами семьи “Паука” в Цюрихе являются чехословацкие эмигранты супруги Holubovi. Родная сестра жены Holuba является бывшим агентом органов безопасности ЧССР “Катя” (урожденная Travnicka). Учитывая, что в настоящее время “Катя” является женой известного в Швейцарии миллионера, что может вызвать повышенный интерес “Паука” к этой семье, в предстоящий приезд “Кати” в Чехословакию осуществить мероприятия по восстановлению с ней связи и решить использовать ее в разработке “Паука”. В изучении и проверке “Кати” и для использования в возможных мероприятиях по “Пауку” в будущем привлечь агента “Шипа”, близкого знакомого ее отца, чтобы изыскать возможность для выхода на “Паука” с целью получения интересующих материалов о нем. Использовать

21 Цит. по: <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture9.png>

22 Там же.

отдельных агентов в выгодный момент для разоблачения “Паука”»²³.

Агентурно-оперативная деятельность объединенных спецслужб трех соцстран, направленная против одного человека, имела в своем активе множество приемов: перлюстрация корреспонденции, перехват каналов связи, создание обстановки разногласий и раздоров, подрыв финансовой основы, покупка уже имеющегося или организация нового печатного органа, контролируемого КГБ, для размещения в нем «выгодных» материалов. Возможности были общеевропейские: «Систематически ориентировать резидентуры ПГУ КГБ в Берне, Женеве, Париже, Лондоне, Стокгольме, аппарат КГБ в Берлине о получаемых материалах враждебной деятельности “Паука”»²⁴.

3

И все же «Центр» (ведомство Андропова на Лубянке) был недоволен работой своих агентов и своих европейских резидентур: результат был незначителен, агентуре не удавалось ни предупредить акции «Паука», ни пресечь их, ни минимизировать последствия. О выступлениях Солженицына в прессе и на телевидении, о его вышедших книгах и статьях «Центру» удавалось узнавать чаще всего постфактум. Несмотря на целый штат агентов, «контактов» и «связей» «Паук» не давался «Центру» в руки. Солженицын много раньше, чем рассчитывали планщики «Центра», раскусил их замыслы, отодвинул чешскую пару от всех дел, ни разу не принял «Репю»-Ржезача у себя дома и избежал с ним личного знакомства, как ни ходатайствовала за «прекрасного поэта» фрау Голуб. («Я допускаю, — писал Солженицын про Ржезача, — что он и Хозяев обманул: он и им ещё из Цюриха соврал, что задание выполнено, познакомился»²⁵.)

Использование «бывших друзей» Солженицына и его «бывших близких», упорная работа с ними, диктовка показаний против него должного эффекта тоже не давали. Показательна запись из «Архива Митрохина»: «Запрос Центра в резидентуры КГБ в Женеве, Берне, Париже в ноябре 1975 года, почему от них давно нет сведений о Солженицыне и поставлена задача, выяснить, где он находится, его планы и намерения. Телеграмма одной резидентуры КГБ в Центр сообщает, что 1 декабря 1975 года в адрес советского посольства присланы 5 экземпляров книги бывшей жены Солженицына Натальи Решетовской “В споре со временем” издательства АПН. Содержание книги, а также некоторые другие признаки внушают сомнение в отношении возможности ее издания в СССР. В основном, она в положительном свете показывает Солженицына, как незаурядную личность, в ней приводится много выдержек из его произведений “Раковый корпус” и “В круге первом”, а критика его взглядов незначительна. Резидент спрашивает, действительно ли книга издана АПН и какова цель такой публикации? Ответчено, что книга по указанию 5-го Управления КГБ распространяется за границей»²⁶.

23 Там же.

24 Цит. по: <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture13.png>

25 Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Часть 1. Глава 5 // Новый мир. 1999. № 2. С. 111.

26 Цит. по: <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture14.png>

Низкие показатели в деле компрометации Солженицына во что бы то ни стало необходимо было скрыть от ЦК КПСС, закамуфлировать, а то и выдать за достижение. В июне 1975 года в Андропов писал в ЦК: «Публикация в различных органах буржуазной печати выгодных нам материалов и документов привела к некоторой переоценке западной общественностью личности Солженицына. Падение интереса к его личности вынудило Солженицына к ряду непродуманных выступлений и публикаций. В частности, Солженицын в издательстве “Имка-Пресс” (Франция) опубликовал книгу под названием “Бодался телёнок с дубом”, рукопись которой, по его заявлению, была вывезена из Советского Союза западногерманским писателем Г. Бёллем»²⁷.

Иными словами, ведомству пришлось выдать свое поражение за победу, и Андропов сообщил ЦК КПСС о разворачивании новой кампании дальнейшей компрометации Солженицына — теперь уже в связи с «Телёнком». К докладу об этом была приложена аннотация на книгу — первым рецензентом «Телёнка» стал не литератор и не журналист, а начальник 5-го Управления КГБ Ф.Д. Бобков.

«Комитетом государственной безопасности с разрешения ЦК КПСС (наш № 1437-А от 6 июня 1975 года) проводятся мероприятия по дискредитации Солженицына и его антисоветских сочинений перед мировой общественностью. В связи с этим в итальянской газете “Унита” 24 июня сего года опубликовано открытое письмо (газета и перевод письма прилагаются) дочери Твардовского — В.А. Твардовской, научного сотрудника Института истории Академии наук СССР, в котором она на конкретных фактах изобличает Солженицына в грубом извращении роли Твардовского в его писательской судьбе. Твардовская обвиняет Солженицына также в гипертрофированном самомнении и попытках трактовать мировые события “сквозь призму своей предназначенности”. По имеющимся данным, письмо Твардовской положительно воспринято западной общественностью. Мероприятия по компрометации Солженицына Комитетом государственной безопасности продолжаются»²⁸.

В сходных целях госбезопасностью был завербован доктор исторических наук Н.Н. Яковлев, обратившийся в КГБ СССР с просьбой разрешить ему поездки в США, связанные с его специальностью американиста. «Знакомство состоялось в кабинете, ныне многократно описанном и показанном по ТВ и в документальных фильмах. На месте зловещего Берии, солдафона Серова, комсомольских функционеров-бодрячков Шелепина и Семичастного теперь обзирал в перспективе исполинского кабинета камин интеллигентный, крайне любезный и обходительный человек...»²⁹ Из свидетельств Яковлева можно видеть, как настойчиво внушал ему Андропов, что конфликт между

27 Кремлевский самосуд. С. 503.

28 Там же. С. 509.

29 Яковлев Н.Н. Приложение к книге «1 августа 1914». О «1 августа 1914», исторической науке, Ю.В. Андропове и других / [Многорегиональный Блок Русских Большевиков "Дело Сталина" // http://delostalina.ru/?p=421](http://delostalina.ru/?p=421)

гражданским обществом и властью в СССР стремительно набирает силу; и дело не в самой демократии (против которой, по словам шефа КГБ, он ничего не имеет), а в громких и назойливых призывах к ней — ведь процесс борьбы за демократию неизбежно приведет российское государство к развалу.

Диссиденты, играющие в этом процессе роль первой скрипки, открывают двери для вмешательства Запада во внутренние проблемы страны.

Процесс вербовки и тот факт, что она проводилась главным чекистом страны, навсегда запомнились американисту. «Председатель, посверкивая очками, в ослепительно-белоснежной рубашке, щегольских подтяжках много, со вкусом говорил об идеологии. Станный свет придавал какой-то оттенок нереальности его словам. Он настаивал, что нужно остановить сползание к анархии в делах духовных, ибо за ним неизбежны раздоры в делах государственных. Причем делать это должны конкретные люди, а не путем публикации анонимных редакционных статей. Им не верят. Нужны книги, и книги должного направления, написанные достойными людьми. Поняв, куда он метит, я мысленно причислил себя к “достойным людям”, на всякий случай надул щеки и выпятил грудь... По мере того, как Председатель увлекался, открывались такие грани “достойных людей”, которые не могли не повергнуть в крайнее изумление. Он, пожалуй, весело сообщил, что великий Тургенев после плодотворной службы в императорском политическом сыске, провел многие годы за рубежом главой российской агентуры в Западной Европе, и, как я понял, был жандармским генералом. Все это так поразило меня, что я не переспросил, когда именно Тургенев поступил в отдельный корпус жандармов и где хранил мундир и награды. Андропов отпустил несколько едких шуток насчет “крыши” Тургенева — Полины Виардо. Его рассказ, как молния, осветил эту историю, расставил все по местам. Мне всегда представлялась малоправдоподобной страсть дворянина, аристократа, мыслителя, эстета к заграничной бабе. Государственные интересы России — дело иное. Мигом пришла на память политическая направленность тургеневского творчества, бескомпромиссная и изобретательная борьба с “нигилистами”, невероятный интерес к российской эмиграции, контакты с Герценом и прочее в том же духе. Мой собеседник назвал среди заслуженных рыцарей политического сыска еще Белинского и Достоевского»³⁰.

Итак, Андропов, стремясь улучшить имидж своей организации, задним числом «завербовал» в политический сыск и Тургенева, и Белинского, и Достоевского. Правда, никаких серьезных доказательств он так и не привел, а те, что привел, выглядели столь безграмотно и лживо, что убедили только свежезавербованного историка. «Что до “неистового Виссариона”, то его (Андропова. — Л.С.) сообщение убедительно осветило, почему гонимый “демократ” проживал в квартире в фешенебельном доме чуть не насупротив Зимнего. А его вендетта против замечательного писателя Бестужева-Марлинского, определенно зашедшая за границы приличия! О Федоре

³⁰ Там же.

Достоевском помолчу, стоит ли углубляться в извивы души не совсем здорового человека. Как я понял Андропова, эта троица не покладая рук пыталась содействовать стабилизации политического положения в тогдашней России. Засим последовали уже знакомые речи насчет разрыва между властью и гражданским обществом. С чем я и был отпущен подумывать на досуге»³¹.

«Я стал, — вспоминал Яковлев, — время от времени захаживать на Лубянку, вести ученые беседы сначала несколько натянутые с Андроповым и интереснейшие с быстро поднимавшимся по служебной лестнице Бобковым. На моих глазах с конца шестидесятых — к началу восьмидесятых он вырос до генерала армии и стал первым заместителем Председателя КГБ. Я где-то читал, что на протяжении ряда лет он был подлинным руководителем ведомства. Сравнивая обоих, при всем интеллектуальном лоске Ю.В. Андропова, я безоговорочно отдаю пальму первенства Ф.Д. Бобкову, который на много порядков был выше формального начальника, а главное несравненно лучше подготовлен. О чисто профессиональных делах судить трудно, Филипп Денисович в беседах со мной никогда их не касался, но, судя по молитвенному отношению к нему подчиненных, он более чем устраивал их. Я разумею другое: весь комплекс проблем, подпадающих под емкое понятие “идеология”. Никогда не встречал лучше осведомленного человека, обладавшего такими громадными познаниями, невероятной сказочной памятью. Его никогда нельзя было застать врасплох, на любой вопрос в этой области следовал четкий, исчерпывающий ответ. Если бы судьба направила его на иную стезю, страна получила бы крупнейшего ученого, безусловно, мирового класса»³².

Отныне в своих мемуарах Яковлев неизменно будет повторять: «Мы с Бобковым». Так был изготовлен коллективный «ответ» на роман Солженицына «Август Четырнадцатого» — «1 августа 1914 года». Книга Яковлева, вышедшая двумя изданиями в 1974 году, вызвала острую полемику — вина за войну и революцию возлагалась, по версии КГБ, на масонскую организацию, которая пронизывала и охватывала высшие структуры Российской империи, двор, бюрократию, технократию и армию.

Следующее идеологическое задание для Яковлева от Андропова-Бобкова должно было доказать, что Солженицын всецело управляется Западом, а точнее — ЦРУ. Этой идеей агент-американист оплодотворит свою следующую книгу, которая выйдет в 1979 году и будет переиздаваться множество раз крупными тиражами, — «ЦРУ против СССР». Треть этой трехсот страничной книги будет посвящена Солженицыну. Приведу всего лишь один пример, где технология описаний говорит сама за себя.

«Шло лето 1968 года. Закончен “Архипелаг ГУЛАГ”, по замыслу Солженицына, самое грозное оружие против Советского Союза. То был отнюдь не плод единоличного творчества, а обобщение усилий как государственных ведомств США, так и индивидуальных антикоммунистов. Как название, так и

31 Там же.

32 Там же.

тематика подготовлены соответствующими изысканиями. В 1946–1950 годах госдепартамент и АФТ (Американская федерация труда. — Л.С.) составили карту ГУЛАГа, которую в 1951 году издали массовым тиражом. В сентябре 1954 года госдепартамент издал официальный отчет “о принудительном труде” в СССР. На долю Солженицына оставалось обобщить все эти материалы и поставить на них свое имя, то есть персонифицировать их в интересах ведущейся ЦРУ “психологической войны”³³.

Благодаря книге Яковлева, написанной в формате «мы с Бобковым», и стало известно происхождение версии (ею впоследствии будут размахивать многие «разоблачители»): Солженицын — игрушка в руках ЦРУ. Лубянский триумvirат придумал и версию присуждения Солженицыну Нобелевской премии — будто ЦРУ, повинувшись желанию Солженицына получить эту награду, немедленно его желание и выполнило.

Показательно, что в СССР до начала перестройки сочинения Яковлева не подлежали никакой критике. «ЦРУ против СССР» вышла (и продолжает выходить!³⁴) тиражом более двух с половиной миллионов экземпляров, по-русски и на языках народов СССР, в Москве и в столицах бывших союзных республик — Фрунзе, Ташкент, Минск, Кишинев, Киев, Душанбе, Баку, Алма-Ата, Таллин, Уфа, Ашхабад, Вильнюс, Тбилиси (а Алма-Ата в 1984 году изготовила даже адаптацию для детей школьного возраста).

В промежутке между двумя крупными книжными заказами («1 августа 1914 года» и «ЦРУ против СССР») Яковлев получил задание написать статью по поводу книги «Бодался телёнок с дубом». «Комитет государственной безопасности направляет гранки статьи профессора Яковлева Н.Н., написанной в связи с публикацией на Западе пасквиля Солженицына “Бодался телёнок с дубом” (сообщено № 1437-А от 6.7.75). Представляется целесообразным опубликовать статью Яковлева в газете “Голос Родины”, распространяемой за рубежом, а также продвинуть ее на Запад по каналам Агентства печати Новости. Просим согласия»³⁵, — писал в ЦК КПСС в конце лета 1975 года Андропов.

«Телёнок с пером» — так называлась статья Яковлева, гранки которой поступили в ЦК КПСС. Казалось бы, согласие будет получено автоматически. Но поскольку спецagent выполнял задание самостоятельно, без помощи Андропова и Бобкова, выпускать материал в печать не глядя ЦК не рискнул. Суслов отправил статью на рецензию консультанту отдела культуры ЦК И.С. Черноуцану, бывшему мифлийцу, известному своими боями с «Новым миром» времен Твардовского. Знавший все приемы пропаганды и контрпропаганды, Черноуцан был шокирован. Статья Яковлева изобиловала ругательствами, которые отдел культуры ЦК избегал применять публично даже и к своим заклятым врагам. От текста за версту разило таким словесным непотребством,

33 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР // <http://lib.ru/POLITOLOG/yakowlewnn.txt>

34 См., напр.: Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.: Эксмо, 2003. 512 с. 4000 экз.

35 Кремлевский самосуд. С. 520.

что продвигать его по каналам АПН было невозможно. Статья была отправлена автору на доработку, спустя три месяца новый вариант вернулся в КГБ на усмотрение Андропову. Усмотрение длилось полгода, и летом 1976 года от публикации «Телёнка с пером» было решено воздержаться.

4

Прошло уже два года после выдворения Солженицына, а ведомство Андропова с тревогой продолжало следить за растущей популярностью писателя-изгнанника на Западе. Скрыть это обстоятельство от руководства ЦК было невозможно, нужно было оправдываться. За два года лубянскому ведомству было чем отчитаться перед партией — 5-е Управление КГБ организовало и подготовило серию авторских публикаций для западного читателя, которые по каналам АПН появились в «своих» изданиях, распространяемых в странах Запада — «Голосе Родины», издаваемом в Москве, «Русском голосе» (просоветской газете, выходившей в Нью-Йорке на русском языке) и других подобных СМИ.

Авторский актив «дискредитаторов» составил из группы «бывших близких» (первая супруга, друзья детства, одноклассники, однокашники, солагерники) и «новых чужих» (спецагенты, наемные «разоблачители»). За привлечением авторов к написанию компромата стояла большая работа: к каждому нужно было найти ключ, нащупать слабое место и как следует на него надавить. А поскольку Лубянка свято верила, что за каждым человеком *что-то* есть, она это *что-то* умела извлекать и использовать.

«Бывшие близкие» отвечали за компромат по линии личной жизни и поведения в быту. Так, 22 февраля 1974 года Председатель правления АПН И. Удальцов писал в своем отчете: «АПН завершает работу по подготовке к изданию записок бывшей жены Солженицына Н. Решетовской, показывающей некоторые аморальные черты его поведения. В настоящее время получены запросы от ряда издательств США, Франции и других стран с просьбой предоставить им права на издание воспоминаний Н. Решетовской. Интервью с бывшей женой Солженицына было опубликовано в крупнейшей французской буржуазной газете “Фигаро”»³⁶.

Спустя два месяца (17 апреля 1974 года) в ЦК КПСС поступила еще одна секретная записка из АПН: «Агентство печати Новости вносит предложение об издании через зарубежные издательства на коммерческой основе рукописи Н. Решетовской “В споре со временем” (объем — до 15 печатных листов). Написанная в форме воспоминаний, книга бывшей жены Солженицына содержит письма, дневники, заявления бывших друзей и другие документы, свидетельствующие о том, что в “Архипелаге ГУЛАГ” использованы лагерные легенды и домыслы. Кроме того, приводится ряд фактов неблагоприятного, аморального поведения Солженицына. В рукописи Решетовской можно проследить эволюцию взглядов Солженицына от троцкизма до монархизма. В 1973–1974 годах через АПН были переданы интервью Н. Решетовской. Они

36 См.: Бредихин В. Записки архивиста. М., 1999. С. 76.

были опубликованы в газетах “Нью-Йорк Таймс” (США), “Фигаро” (Франция) и других органах. В своих интервью Решетовская заявила о намерении опубликовать свои воспоминания для разоблачения различных версий буржуазной печати по биографии Солженицына... Рукопись воспоминаний Н. Решетовской подготовлена к печати издательством АПН совместно с КГБ при СМ СССР. Представляется, что выход на Западе воспоминаний Н. Решетовской может послужить определенной контрмерой, направленной против антисоветской шумихи вокруг Солженицына. Просим согласия. Председатель Правления Агентства печати Новости И. Удальцов. Резолюция: Согласиться. М. Суслов»³⁷.

Следующим по значению и роли в жизни Солженицына «бывшим близким» был его одноклассник, однокурсник и одноделец Николай Виткевич, тоже взятый в оборот вербовщиками. «Широко распространено за рубежом письмо и телеинтервью с Н. Виткевичем, бывшим другом Солженицына. В материалах показано, как по навету Солженицына пострадал сам Н. Виткевич и другие лица. Письмо Н. Виткевича опубликовано в газетах: “Нью-Йорк Таймс”, “Крисчен сайенс монитор” (США), “Таймс”, “Гардиан” (Англия), “Свенска дагбладет” (Швеция) и др., телеинтервью показано в Японии, Швеции, ГДР, Болгарии и других странах. Работа по дискредитации Солженицына проводилась в тесном контакте с КГБ при Совете Министров СССР»³⁸.

Специальный подход ведомство Андропова-Бобкова нашло и к другу детства Солженицына Кириллу Симоняну. Фабрика компромата работала безотходно: составлялись оперативные планы, сочинялись «подлинники», затем эти «подлинники» показывали свидетелям, те испытывали шок и писали комментарии для заграницы, отсюда их продвигали на Запад и там на коммерческой основе публиковали, переводили на иностранные языки, затем отчитывались перед ЦК, который, как правило, оставался доволен.

И все же работало ведомство далеко не без изъяна. Как-то очень быстро «подлинники», фальшивые показания, заказные компроматы и брошюры бывали разоблачены и преданы гласности. Всё тайное из «особых папок» и «сверхсекретных досье» выходило наружу — или едва успев появиться на свет, или совсем вскоре, так что заказчики и исполнители имели счастье (или несчастье) увидеть свою тайну обнаженной — на страницах журналов, газет, сборников, альманахов.

С тех пор как Указ Б.Н. Ельцина № 658 от 23 июня 1992 года «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека» вступил в силу, стали известны многие планы «по дискредитации» и отчеты «по компромату». Обозначились имена тех, кто охотно участвовал в травле и шельмовании инакомыслящих. Открылось и то, насколько добровольно, или

37 См.: *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Часть 1. Глава 4, 5. Приложения // Новый мир. 1999. № 2. С. 138–139.

38 См.: *Бредихин В.* Записки архивиста. С. 76.

принудительно, или на прочной коммерческой основе разные печатные СМИ в СССР и за рубежом участвовали в процессе. Схема пропаганды стала ясна до подробностей: КГБ вырабатывает концепцию и дает поручение АПН, агентство готовит материалы и продвигает их в печать по своим каналам. Привлечение авторов, заказ и организация материалов, их прицельное редактирование, оптимальный выбор печатного органа — вся эта «матчасть» числилась за АПН при его тесном сотрудничестве с КГБ.

Случай Солженицына требовал особой стратегии и тактики: в качестве «дискредитаторов» должны были выступать авторы с громкими именами. Так, при подготовке материалов, показывающих «подлинные политические цели враждебных делу мира и социализма писаний Солженицына, антисоветский, антипатриотический характер его деятельности», авторами вызвались быть Ю. Бондарев, Е. Долматовский, Г. Серебрякова, Б. Дьяков, С. Михалков, А. Рекемчук, П. Проскурин, М. Алексеев, С. Щипачев, Б. Полевой, А. Дымшиц, Б. Кербабаев. Эти и другие авторы выступали без всякого принуждения и были разоблачителями-энтузиастами; АПН, имея свои каналы и коммерческую основу, размещало их публикации в самых престижных западных СМИ. Председатель Правления АПН И. Удальцов отчитывался в ЦК: «Аргументированные, принципиальные статьи советских писателей были опубликованы на страницах крупных буржуазных изданий. Статья Ю. Бондарева была помещена в газете “Нью-Йорк Таймс” (США), Е. Долматовского — в газете “Монд” (Франция), С. Михалкова — в журнале “Шпигель” (ФРГ), Ю. Рыхтэу — в газете “Глоб энд мэйл” (Канада), Г. Серебряковой — в газете “Балтимор-сан” (США) и др.»³⁹.

Для разоблачения произведений Солженицына, связанных с темой Великой Отечественной войны, приглашались к сотрудничеству ученые Академии общественных наук при ЦК КПСС, академических институтов — философии, государства и права; Института военной истории; ветераны войны, чехословацкие ученые, участники партизанского движения, представители духовенства. Со своими комментариями выступали обозреватели АПН, материалы которых публиковались в зарубежных СМИ, передавались по западному радио. Работники АПН вели за рубежом разъяснительную работу среди местной общественности, выступали по радио и телевидению, организовывали пресс-конференции, готовили статьи местных авторов. Дело было поставлено на широкую ногу. Только за январь—февраль 1974 года по линии АПН за рубеж было отправлено более 95 материалов, в органах печати различных стран отмечено 250 публикаций.

Однако в КГБ видели, что и этого мало для достижения большего успеха кампании. Уже в январе 1976-го Андропов смог сообщить в ЦК КПСС, что за два прошедших года на Запад были продвинуты весьма выгодные для КГБ материалы. «Наибольший резонанс произвели в этом плане публикации “Меня предал Солженицын” — автор Н. Виткевич, газета “Крисчен сайенс монитор”,

³⁹ Там же. С. 75.

США; “Солженицын и НТС” — газета “Русский голос”, США; “Продавшийся и простак” — автор Н. Яковлев, газета “Голос Родины”, Франция, США; “Мой муж — Солженицын” — автор Н. Решетовская, Италия, Япония; “Архипелаг лжи” — автор Н. Яковлев, а также телевизионные интервью с Н. Решетовской, М. Якубовичем, А. Каганом, Н. Виткевичем, знавшими лично Солженицына и в разное время разделявшими его взгляды»⁴⁰.

Но был ли эффект? Андропов кривил душой, когда утверждал в своей очередной информации, что — да, эффект был. «Компрометирующие Солженицына сведения, преданные гласности на Западе, привели к определенной переоценке его личности, способствовали появлению сомнений в правдивости и исторической достоверности его “сочинений” и вызвали целый ряд позитивных публикаций и выступлений прогрессивной западной общественности»⁴¹.

Однако «Дело “Паука”» («Codename: Spider» — «Кодовое имя: Паук») из «Архива Митрохина» обнаружило сугубо заказной характер «позитивных» публикаций, а имена их авторов расшифровались как имена завербованных агентов. Повторим уже цитированный фрагмент: «Для дальнейшей компрометации “Паука” перед мировой общественностью через имеющиеся возможности подготовить на основе имеющихся материалов и опубликовать на Западе: книги швейцарского писателя “А”, западно-германского журналиста “Х” и известного писателя ГДР “Т”»⁴². То есть книги «известных немецких и швейцарских авторов» готовились вовсе не *ими* и продвигались в печать тоже не *ими*. Они — только поставили свои подлинные имена под заказной фальшивкой (фактически продали свои литературные имена) и получили от КГБ, помимо гонорара, титул прогрессивных литераторов. Андропов же, скрывая от ЦК КПСС истинный характер публикаций, делал вид в своих отчетах, что некая прогрессивная западная общественность и в самом деле «правильно» реагирует на «позитивные выступления передовых писателей».

Такого же качества зачастую были и интервьюеры, подосланные к «бывшим близким»: «“Кирилл” (Карло Лонго) при содействии АПН взял интервью у бывшей жены Солженицына Н. Решетовской, которое потом опубликовано в провинциальной газете “Сеттеджорни”»⁴³. Здесь и в других подобных записях «Операции “Паук”» клички расшифровывались подлинными именами и фамилиями. «Кирилл», «Шериф», «Альберс», «Активист», «Репо» и многие другие — обслуживали интересы спецслужб и тесно срастались с ними.

Эти примеры показывают, как госбезопасность даже для самой себя создавала искаженное представление о реальности. Одна ветвь власти выдавала другой ветви власти фантомную реальность за реальность истинную. Кто таков Франк Арнау («А») и ему подобные — «Х» и «Т»? Честные литераторы или агенты, завербованные КГБ? Предлагаю руководству страны считать их

40 См.: Кремлевский самосуд. С. 547.

41 Там же.

42 См.: <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture7.png>

43 См.: <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture14.png>

честными прогрессивными литераторами, андроповцы сами начинали в это верить. *Это и была гибельная ловушка для системы, которая постепенно теряла ощущение реальности, ибо, способствуя формированию искаженной картины мира, превращалась в королевство кривых зеркал.*

Ведомство Андропова не успокоилось и тогда, когда узнало, что Солженицын и его семья покинули Швейцарию и поселились в Соединенных штатах. 3 июля 1976 года состоялась официальная процедура въезда писателя на территорию Соединенных Штатов. Уже через два с половиной месяца «Центр» начал тормозить агентурную сеть в США.

«Телеграммы от 30 сентября 1976 года в резидентуры США в Нью-Йорке Дронову и в Вашингтоне Якубову. Телеграммы идентичны, в них говорится: “Руководством санкционированы мероприятия по локализации деятельности Солженицына в связи с его переездом в США. Разработку вести в следующих направлениях:

1. Подстава и ввод агентов для выяснения его планов и намерений, перехвата возможных каналов связи с единомышленниками в Советском Союзе, изучение лиц из числа близкого его окружения и характера взаимоотношений между ними.

2. Изыскание возможности для компрометации Солженицына и его пасквилей через зарубежные средства массовой информации.

3. Периодически инспирировать обсуждение в прессе и правительственных кругах США вопроса о нежелательности пребывания Солженицына на территории этой страны в связи с проведением деятельности, наносящей ущерб межгосударственным отношениям.

4. Создание обстановки нервозности, беспокойства за свою жизнь и безопасность членов семьи путем периодического направления в адрес Солженицына писем, посылок, бандеролей и тому подобное соответствующего характера.

5. Систематически документировать его враждебную деятельность. Просим сообщать ваши конкретные предложения по реализации этих мероприятий. Телеграммы подписаны Владимировым (начальник управления ПГУ КГБ Кулагин) и Бобковым (начальник 5-го Управления КГБ СССР)»⁴⁴.

Еще через год появился новый план. «В ноябре 1977 года Центром из резидентуры в Нью-Йорке получен план работы резидентуры на 1978 год по тематике разработки диссидентов. Предусматривалось:

— Через возможности “Сахновского” организовать изучение секретарши Паука — Альберти Ирины для сбора сведений о “Пауке” и его семье.

— Сбор данных о лицах, которые будут работать во “Всероссийской библиотеке мемуаров”, которую намерен создать “Паук”, внедрить в штат библиотеки агента.

В связи с тем, что “Паук” опубликовал адрес, на который должны направлять мемуары (Post office Box 1446, Boston, USA), изучить возможность

44 См.: <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture14-16.png>

проведения активного мероприятия, направленного на перемещение деятельности Библиотеки»⁴⁵.

Тогда казалось, что эта «идеологическая операция» для лубянского ведомства не просто долгоиграющая, но пожизненная.

Указ № 658, при всем его огромном значении для рассекречивания секретных документов закрытых ведомств, сам ограничил сферу применения. Кухня секретной розыскной деятельности — агентурная база, досье и личностные характеристики агентов, их связи и контакты, общая методика вербовки и индивидуальные подходы, планы заданий и отчеты о выполнении — всё это не подлежало рассекречиванию даже и в постперестроечные времена. Изъятия, предусмотренные 3-м пунктом Указа, были частично восполнены опубликованным на Западе «Архивом Митрохина», рассекретившим многие (но тоже далеко не все!) оперативные тайны по делу Солженицына.

«Архив Митрохина» располагает сведениями исключительной важности о том, как в КГБ СССР была запланирована и оперативно осуществлена акция по дискредитации Солженицына с использованием его собственного признания в «Архипелаге ГУЛАГ» (Ч. III, глава 12 «Стук-стук-стук»). Там рассказывалось, как весной 1946 года писателя вербовал оперуполномоченный («сыч») в лагере на Калужской заставе, присвоив ему псевдоним «Ветров» и вынудив написать на бланке «Обязательство».

В деле Солженицына-«Ветрова» для КГБ открылся необозримый оперативный простор. Документы из «Архива Митрохина» рисуют яркую картину, как планировалась и осуществлялась самая впечатляющая акция по очернению Солженицына.

«Развитие акции на поэтапный период продолжительностью до 2-х лет по следующей схеме.

В западногерманском журнале “Нойе политик” № 2 за 1978 год (издатель журнала Вольф Шепке?) публикуется статья под названием “Донесение агента 'Ветрова', то есть Александра Солженицына” и сопроводительная к ней в виде “личных записей” ‘Шерифа’*.

Активное мероприятие осуществлено с помощью нелегала МГБ ГДР “Корфа” через его доверительную связь “Альберс”. Личные записи “Шерифа” легендируют появление агентурного донесения “Ветрова”. Сведения в статье представлены как часть посмертного архива “Шерифа”.

В мае 1978 года журнал “Нойе политик” со статьей о “Пауке” посылается в итальянскую редакцию журнала “Панорама”.

В апреле 1978 года эти же материалы направляются в редакции французских газеты и журнала “Ле Монд” и “Ле Монд Дипломатик”.

В мае 1978 года на основе статьи в “Нойе Политик” издать брошюру Симоняна или напечатать статью, после чего переправить эти материалы в адрес газеты “Лос Анжелес Таймс”.

Во 2–4 квартале 1978 года направить в редакцию “Нойе Политик” письмо

45 См.: <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture16.png>

“Фридолин”*, в котором дается поддержка публикации журналом материалов о “Пауке”, сообщаются факты о попытках “Паука” перехватить основной документ. Текст обрабатывается совместно обеими сторонами.

МГБ ГДР подбирает среди своих агентов человека, через которого можно легендировать дальнейшее расследование сообщенных “Нойе Политик” фактов, и в связи с этим [он] попытается наладить переписку с бывшим солагерником “Паука” Паниным (проживает в Риме), который в своей книге “Записки Сологдина” осветил упоминаемые в основном документе факты, лица, организации ОУН (Организация украинских националистов) в ФРГ.

Экземпляры журнала “Нойе Политик” с материалами о “Пауке” рассылаются в адреса бывших советских граждан, ведущих антисоветскую деятельность»⁴⁶.

Оперативный план включал примечание, раскрывающее значение звездочек. «“Шериф” — агент МГБ ГДР. В 1975 году осуществлена акция по созданию книги “Шерифа” о “Пауке” в издательстве “Дамниц ферлаг-Мюнхен” под названием “Как, вы не знаете Ветрова?”, в которой Солженицын представлен как морально нечистоплотная личность. Используются материалы КГБ о сотрудничестве “Паука” с КГБ с целью предательства солагерников ради спасения собственной жизни. “Фридолин” — Хофман Эмиль — редактор западно-германского журнала “Welthandelinformationen” [Информация о мировой торговле], доктор, юрист-международник. Оперативный контакт МГБ ГДР»⁴⁷.

Имеет смысл уточнить, что т. н. основной документ — это как раз сфабрикованный в КГБ «донос» Солженицына, якобы переданный в оперчасть Экибастузского лагеря о подготовке мятежа зэками-украинцами. Показателен также и глагол из сленга оперативников — «легендировать»: то есть, в специфически шпионском значении, создавать заведомо ложную, придуманную историю («легенду») и выдавать ее за правду; подавать факт (подлинный или выдуманный) в выгодном для составителей «легенды» свете.

И вот как комментировал пресловутое «легендирование» сам Солженицын. «Как прочли, стало быть, “Архипелаг” — так и принялись за изготовление. Да в самом главном месте фальшивки — провальный для гебистов просчет: “донос” на украинцев поместили 20 января 1952, цитируют “сегодняшние” якобы разговоры с украинцами-зэками и их “завтрашние” планы, но упустили, что еще 6 января все до одного украинцы были переведены в отдельный украинский лагпункт, наглухо отделенный от нашего, — и на их лагпункте вообще никакого мятежа в январе не было, а к стихийному мятежу российского лагпункта 22 января — не имели они касательства, не участвовали и близко. (Хотя и об этом в “Архипелаге” написано: Часть V, гл. 11, — но недоглядели специалисты, а сами недомыслили.) Наряду с этим — и другие

46 См.: <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture19.png>

47 См.: <http://i275.photobucket.com/albums/jj317/CorporateLust/Picture20.png>

промахи, для профессионалов постыдные»⁴⁸.

Низко, очень низко оценил Солженицын профессиональный уровень «легендирования» и «легенд», сочиненных оперативниками, среди которых были штатные единицы и внештатники, нелегалы и агенты на договоре, контакты и доверительные связи, редакторы европейских газет и журналисты-фрилансеры. Всю эту кропотливую работу КГБ осуществлял в том числе и «на коммерческой основе», тратя немалые средства на кампанию.

Прокол с фальшивым доносом «Ветрова» с ошибкой в две недели, которая обесмысливала всю затею с «легендированием» «основного документа», видимо, подорвал веру Андропова в возможности ведомства: слишком быстро эта ошибка оказалась в публичном пространстве прессы. Факт тот, что аналогичные «доносы» если и готовились, то на поверхность так и не выплыли, и «Ветров» остался автором всего одного «сообщения».

Тем не менее надо признать: среди многочисленных мероприятий госбезопасности по дискредитации Солженицына — грубых физических провокаций, анонимных запугиваний и угроз, фальшивых подделок почерка, обысков у друзей, гангстерских инсценировок и воровских налетов — самыми эффективными оказались, как это ни парадоксально, самые топорные и немедленно разоблаченные «документы»: лживая книга Ржезача и фальшивка под названием «донос Ветрова». Для тогдашних и сегодняшних противников Солженицына, независимо от того, знают они или не знают происхождение «документов», они-то и стали главными аргументами, которые пускается в ход всякий раз, когда хотят уничтожить репутацию писателя.

После книги Ржезача советская пропаганда как будто потеряла к нему прежний интерес, хотя оставалась столь же «омрачительно-одурительной», казенной, тошнотворной. Один из последних всплесков травли — напечатанная по-английски заказная книга профессора Яковлева «Жизнь во лжи» (1979), где автор снова пытался доказать, что «Архипелаг ГУЛАГ» создан объединенными усилиями государственных ведомств США, а его автор — марионетка и верный слуга ЦРУ, не оправдавший доверия, списанный в резерв и помещенный в глухую изоляцию в штате Вермонт. Этой лжи подпевала «Франс суар» — ежедневная французская газета: Солженицын живет на содержании некоего (безымянного) американского миллиардера и освобожден от финансовых забот, держит шесть вооруженных телохранителей и свору свирепых псов, вокруг участка — высокий забор и электрифицированная колючая проволока.

1980-е принесли новые информационные поводы, не связанные с охотой советских спецслужб на Солженицына: их охотничий кураж несколько увял. Политбюро болело и старело. Брежнев в начале 1976-го перенес клиническую смерть, после которой так и не смог полностью восстановиться. Его неспособность управлять страной была очевидна и окружению, и согражданам, которые наблюдали появления генсека в телевизионном пространстве. Генсек страдал утратой трудоспособности и наркотической зависимостью от

48 Солженицын А. Потёмщики света не ищут // Комсомольская правда. 2003. 22 октября.

необутала. В 1979-м началась афганская война. Наступала эпоха тайных и пышных похорон...

Заседания Политбюро больше не были озабочены мероприятиями по дальнейшей дискредитации Солженицына. Теперь их заботил вопрос об увековечивания памяти воинов, погибших в Афганистане, — писать или не писать на надгробьях могил место смерти военнослужащих. Андропов, Кириленко, Тихонов, Сулов были против надгробных плит и надписей на них.

Советским СМИ разрешалось описывать боевые действия с участием не выше одного взвода, упоминать фамилии только рядовых, о фактах гибели — говорить как о единичных случаях. Летом 1985 года, в разгар войны, появился «Перечень событий, разрешенных к открытому опубликованию, относительно действий ограниченного контингента советских войск на территории Демократической республики Афганистан», подписанный генералами В. Варенниковым и В. Кирпиченко. Главная военная цензура бдительно следила, чтобы в открытой печати строго соблюдался лимит на факты ранений и гибели военнослужащих — не более одного случая в месяц; информация об участии советских войск в боевых действиях на территории ДРА строго дозировалась и намеренно искажалась. Главный пункт «Перечня» гласил: «Продолжить широкую публикацию контрпропагандистских материалов советских и иностранных авторов, разоблачающих фальсификации западных СМИ»⁴⁹.

По мнению военных экспертов, Советский Союз не сумел выиграть информационную войну на афганском поле. Одним из основных факторов проигрыша называлась подмена живой разъяснительной работы среди простых людей словоблудием, наигранным пафосом, пустыми призывами, оторванными от реальной жизни и повседневных нужд населения⁵⁰. В итоге в Афганистане Запад одержал крупную победу в информационной войне против СССР, и именно в результате этой победы Советский Союз утратил, особенно в «третьем мире», имидж защитника и друга угнетенных народов.

Остановить афганскую кампанию Брежнев не мог — он скончался в разгар военных действий в ноябре 1982 года. Андропов, оставив свой пост в КГБ, пришел Леониду Ильичу на смену, и теперь Юрию Владимировичу уже не нужно было убеждать членов Политбюро в правильности выдворения из страны нобелевского лауреата по литературе.

Однако линия, избранная органами пропаганды, линия страха перед разоблачениями, продолжает существовать. Время подтвердило правоту Солженицына в том, как «цепко держатся у нас за кровавое прошлое и хотят нераскрытым мешком тащить его с собою в будущее — лишь бы не произнести ни слова — не то что приговора, — но морального осуждения ни одному из палачей, следователей и доносчиков...»

Этот мешок не раскрыт до сих пор.

49 Фогель С. Особенности пропаганды СССР во время военной акции в Афганистане // http://psujourn.narod.ru/vestnik/vyp_3/fo_afg.html

50 Там же.